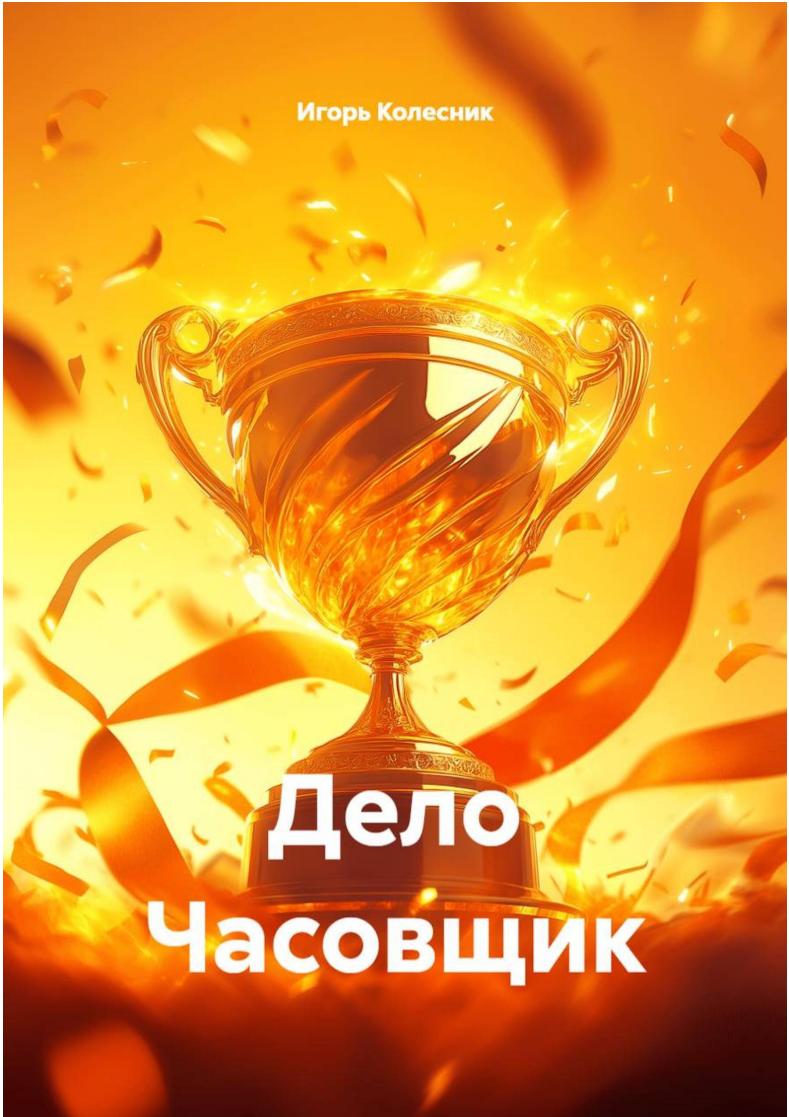

Игорь Колесник
Дело
Часовщик

Игорь Колесник
Дело Часовщик

https://litres.ru/74798814
SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Красногорске происходят загадочные убийства известных людей. Дело поручают оперу Панфилову, обладающему экстрасенсорными способностями.

Игорь Колесник
Дело Часовщик

Роман ДЕЛО „ЧАСОВЩИК„

Глава первая. Тень над Красногорском.

Серый октябрьский рассвет накрыл Красногорск плотным туманом, будто город сам пытался скрыть от посторонних глаз то, что творилось в его переулках. Сырость пробиралась под воротники, оседала каплями на стёклах витрин, а воздух был густ от предчувствия беды — такой плотный, что казалось, его можно резать ножом.

В кабинете начальника городского отдела полиции Ильдара Садыкова пахло крепким кофе и нервным напряжением. Садыков, мужчина с седыми усами и лицом, будто выточенным из гранита, сидел, сцепив пальцы в замок, и смотрел на отчёт, который ему только что положили на стол. На бумаге — сухие строчки, а за ними — холод смерти. Третье убийство за две недели. И все — как под копирку: бизнесмен, чиновник, теперь — заместитель мэра Петренко. Убит в собственном гараже, ровно в шесть утра, когда собирался ехать на совещание. Никаких следов взлома, никаких свидетелей. Только аккуратная, почти демонстративная чистота места преступления — и круглый кровоподтек на виске.

— Трофима ко мне, — коротко бросил Садыков дежур-

ному, не поднимая глаз. — И пусть поторопится.

Трофим Панфилов вошёл, как всегда, без стука. В нём не было ни показной бравады, ни нарочитой спешки — только спокойная уверенность человека, который знает цену каждой секунде. Высокий, чуть сутулый, с внимательными, почти хищными голубыми глазами, он напоминал старого охотника, который чует зверя задолго до того, как тот покажется из чащи. На нём был поношенный, но аккуратный плащ, а в кармане — блокнот, исписанный мелким не разборчиво-медицинским почерком. Он посмотрел на полковника Садыкова, потом на кружку с дымящимся кофе. кружку, подозрительно похожую на ту, из которой пил кот в дежурной части.

— Здравия желаю ну, что там? — спросил он, опускаясь на стул напротив Садыкова, но не слишком близко. Между ними всегда висела невидимая граница, которую Панфилов не любил пересекать.

Полковник молча подвинул ему папку. Панфилов открыл её, пробежал глазами по листам, задержался на снимках с места преступления, потом на списке жертв.

— Бизнесмен, чиновник… Зам мэра, — пробормотал он, словно пробуя слова на вкус. — Не случайность. Тут система.

— Какая система? — резко отозвался Садыков. — Тут маньяк, который метит в элиту города. И если мы не остановим его до конца недели, сюда нагрянет Москва.

Панфилов усмехнулся — не зло, а скорее устало.

— Москва уже нагрянула. Я видел машину с московскими номерами у входа. Чёрный джип, тонированные стёкла, водитель не выходит. Ждут повода. А повод у них будет, если мы будем сидеть и ждать, пока не убьют следующего.

Садыков скрипнул зубами. Он терпеть не мог, когда Панфилов говорил так — будто знал больше, чем следовало. Но хуже было то, что чаще всего он действительно знал.

— Ты работаешь по своим правилам, Трофим, — тихо, но твёрдо произнёс Садыков. — Но сейчас не время для твоих фокусов. Нам нужна скорость. Нам нужна отчётность. Нам нужно, чтобы всё было по инструкции. Да, еще надо составить психологический портрет преступника.

— Уже составил - Панфилов откинулся на спинку стула и посмотрел на начальника долгим, спокойным взглядом. - он любит убивать и не верит в карму. Этого достаточно?

- Давай без своего дурацкого юмора. Психологический портрет по инструкции.

— Инструкция не ловит убийц, Ильдар. Инструкция ловит тех, кто оставляет следы. А этот упырь следов не оставляет. Он знает, как обойти систему. Значит, нам придётся обойти его. По-своему.

В этот момент в дверь постучали, и в кабинет вошёл молодой лейтенант Ильин, с бледным лицом и дрожащими руками.

— Товарищ полковник, из Москвы… Только что позвонили. Дело берут под контроль. Присылают куратора. И… просят, чтобы расследование вёл именно старший оперуполномоченный Панфилов. Как наиболее компетентный специалист.

Садыков замер, будто его ударили по лицу. Панфилов же лишь слегка приподнял бровь, словно услышал самую обыденную новость на свете.

— Ну вот, — спокойно сказал он, закрывая папку. — Теперь у нас есть разрешение делать по-своему. Главное — не дать им понять, насколько по-своему мы собираемся это делать. Самое страшное в расследовании — это когда все улики складываются в одну логичную картину… и эта картина — абсурд.

Он поднялся, накинул плащ и, уже стоя в дверях, обернулся:

- Ну хоть почерк стабильный. Хоть какая-то надёжность в этом городе: если убивают — то по шаблону. Стабильность, понимаешь, Ильдар? Как график дежурств, только страшнее. – Трофим достал из кармана плаща, ключ от машины - Поеду посмотрю на гараж Петренко. Может, там есть что-то, чего не видно на фото.

Он вышел, оставив после себя тишину, в которой звенела напряжённая струна ожидания. Панфилов спустился по лестнице на первый этаж и проходя мимо дежурки услышал разговор дежурного и старшего следователя майора Сычки-

на.

Сычкин «Наряд, на месте?»

Дежурный «На месте».

Сычкин «А где место?»

Дежурный (вздыхает): «Сейчас уточним». Все как обычно.

На улице туман стал ещё гуще. Панфилов ехал на Логане, по мокрому асфальту, прислушиваясь к шуму мотора и города. Красногорск молчал, но в этом молчании слышался шёпот — шёпот убийцы, который уже выбрал следующую жертву. И Трофим Панфилов знал: чтобы услышать его отчётливо, придётся погрузиться в эту тишину глубже, чем кто-либо другой. Город ночью — как человек во сне: вроде бы отдыхает, а кошмары всё равно ходят рядом. Наша работа — чтобы эти кошмары не проснулись. Включилась рация. На полицейской волне шла какая-то какофония. Когда в рации три голоса одновременно пытаются сказать „приём“, это уже не рация, а хор.

Гараж Петренко стоял в ряду таких же серых коробок, будто специально созданных, чтобы сливаться с унылым городским пейзажем. Трофим Панфилов остановился у распахнутых ворот, не спешил входить внутрь: он знал, что место преступления — как книга, и читать её надо не торопясь,

страница за страницей. Группа уже уехала, труп увезли и у ворот оставался знакомый, рыжий сержант, неспешно курящий сигаретку.

— Что скажешь сержант? – спросил Трофим, пожав руку.

— Тут кто-то был.

— Спасибо, капитан очевидность.

— Ну, я еще не капитан. Мне положено замечать очевидное и делать вид, что это открытие.

- Как его убили? – спросил Панфилов, покусывая нижнюю губу.

— Похоже, его ударили по голове. Или он просто слишком много думал. Хотя в этом городе одно другому не мешает.

— Знаешь сержант, какая самая частая причина смерти в нашем районе?

— Перестрелки, наркотики, бытовая поножовщина?

— Разочарование в людях. Официально, конечно, пишут «острая сердечная недостаточность». Но мы-то знаем.

-Ну да, ну да. – хмыкнул рыжий. Панфилов тоже улыбнулся и шагнул в гараж.

Внутри пахло машинным маслом, пылью и чем-то ещё —

едва уловимым, но неприятным, словно тень смерти ещё не успела рассеяться. Эксперты уже побывали здесь, всё сфотографировали, сняли отпечатки, собрали возможные улики. Но Панфилов верил не в протоколы, а в собственные глаза — и в то, как они умеют замечать то, что другим кажется мелочью.

Он медленно обошёл пространство, отмечая каждую деталь: ровный бетонный пол, на котором не осталось ни капли лишней влаги, хотя снаружи моросил дождь; аккуратно расставленные инструменты на полке — будто хозяин только что вышел и вот-вот вернётся; дверь в небольшую подсобку, чуть приоткрытую, словно приглашающую заглянуть внутрь.

Следов почти не было. Ни волоска, ни обрывка ткани, ни отпечатка подошвы. Убийца либо работал в перчатках и бахилах, либо знал, как не оставлять улик — а это говорило о подготовке, о продуманности. Такой человек не действует на эмоциях. Он действует по плану.

Панфилов присел на корточки у порога, всматриваясь в едва заметные царапины на бетоне — тонкие, едва различимые линии, будто кто-то что-то тащил или слегка сдвигал. Он провёл пальцем по одной из них, задержался, потом поднял голову и осмотрел потолок, стены, углы — всё, что могло хранить следы.

И вдруг заметил. В самом углу, почти у стыка стены и пола, там, где тень ложилась особенно густо, что-то поблёскивало. Крошечный предмет, едва заметный, будто случайно

затерявшийся среди пыли. Панфилов достал лупу и наклонился ближе.

Это была маленькая металлическая деталь — не обломок, не случайная стружка, а именно деталь: миниатюрная шестерёнка с тонкой насечкой, явно не от автомобильного механизма. Она выглядела слишком изящно для гаража, слишком точно выточенной — словно часть какого-то сложного устройства.

Трофим аккуратно подцепил её пинцетом, который всегда носил в кармане, и положил в прозрачный пакетик. В его голове уже складывалась первая ниточка: убийца не просто знал, как не оставить следов — он, возможно, использовал какой-то механизм или инструмент, от которого и отвалилась эта шестерёнка. Или оставил её намеренно — как насмешку над следствием.

Панфилов выпрямился, оглядывая гараж ещё раз — теперь уже с этой новой деталью в голове. Всё здесь было слишком чистым, слишком правильным, будто сцена, подготовленная для спектакля. И эта крошечная шестерёнка была единственной нестыковкой, единственным пятном на идеально выстроенной картине.

Он достал свой потрёпанный блокнот и записал: «Шестерёнка — мелкая, с насечкой. Не авто деталь. Проверить мастерские, часовые, точные механизмы. Возможно, инструмент». Потом добавил ещё одну строчку: «Или это подсказка. Специально оставлена».

Снаружи туман понемногу рассеивался, открывая город, который будто затаил дыхание. Панфилов вышел из гаража, застёгивая плащ, и остановился на мгновение, прислушиваясь к тишине. Теперь он знал: убийца где-то рядом, наблюдает, ждёт, что будет дальше. И Трофим не собирался его разочаровывать.

— Ну что ж, — тихо пробормотал он, убирая блокнот. — Ты оставил след. Даже если думал, что не оставил. Теперь игра пойдёт по моим правилам.

Панфилов шёл от гаража к своей машине, машинально потирая плечо — старый армейский рефлекс, когда тело ещё помнит холод бетонных укрытий и тишину ночных выходов. В голове, как всегда в моменты затишья между вспышками дела, всплывали не отчёты и не протоколы, а обрывки прошлого — те самые, что складывали его, делали его тем, кем он стал.

Детство в Красногорске было серым, как этот октябрьский день, но в нём всегда пахло заводом — едкой металлической пылью, горячим маслом, чем-то надёжным и тяжёлым. Отец, Николай Степанович, инженер с руками, чёрными от карандаша, говорил мало, зато делал всё чётко: «Если деталь не садится с первого раза — значит, ты ошибся в расчётах. Не в детали, в себе». Он не терпел приблизительности, и за любую небрежность — будь то криво прибитая полка или ошибка в домашней задаче по математике — мог строго отчитать, а то и дать подзатыльник «для закрепления ма-

териала». Трофим не считал это жестокостью — скорее, отцовским способом сказать: «Мир не прощает ошибок. Учись делать правильно с первого раза».

Мать, тихая и внимательная, работала лаборанткой в заводской лаборатории. Она не спорила с отцом, но умела сглаживать углы. Вечерами, когда Николай Степанович уходил в свои чертежи, она садилась рядом с Трофимом, проверяла тетради, терпеливо объясняла непонятное. В её голосе не было строгости — только спокойная уверенность: «Ты можешь. Просто нужно чуть внимательнее». И он старался. Школу закончил без троек — не потому, что был гением, а потому, что привык не оставлять недоделок.

Армия пришла как естественное продолжение этой выучки. Разведбригада особого назначения — место, где ценились не слова, а действия, где тишина была важнее крика, а наблюдение — важнее силы. Там он научился видеть то, что скрыто: как дрожит ветка после того, как по ней прошёл человек, как ложится тень, если кто-то прячется за углом, как меняется воздух, когда рядом чужой. Интуиция, о которой потом шептались коллеги, была не магией — это была натренированная внимательность, умение складывать незаметные детали в единую картину.

Юридический факультет местного института казался логичным шагом — если ты умеешь читать следы, почему бы не научиться читать законы? Учился он без особого блеска, но упорно, запоминая не параграфы, а логику: где систе-

ма даёт слабину, где прячется лазейка, как люди пытаются обойти правила. А потом — милиция, которая постепенно стала полицией. Форма менялась, кабинеты перекрашивали, но суть оставалась прежней: искать правду там, где её старательно прячут.

И именно эта смесь — отцовской строгости, материнской терпеливости, армейской собранности и юридического расчёта — делала его методы такими странными для начальства и такими эффективными на деле. Он не любил отчётов, потому что они лгали цифрами. Он любил места преступлений, потому что они говорили честно — если уметь слушать.

Сейчас, стоя у своей машины и глядя на серый фасад гаража, где убили Петренко, Панфилов снова чувствовал эту старую, знакомую уверенность: убийца думал, что стёр все следы. Но мир не умеет быть идеально чистым. Всегда остаётся что-то — царапина на бетоне, едва заметная тень, крошечная шестерёнка в углу. И Трофим умел это находить.

Он достал из кармана пакетик с деталью, повертел его в пальцах, всматриваясь в миниатюрные зубцы. Что-то в них казалось ему знакомым — не из учебников, не из протоколов, а из детства, из отцовских ящиков с инструментами, из запаха мастерской. Словно этот кусочек металла был частью какой-то старой, забытой головоломки, которую он когда-то почти собрал.

— Ну давай, — тихо пробормотал он, убирая пакетик обратно. — Расскажи мне, откуда ты взялась.

В этот момент телефон в кармане завибрировал. На экране высветился номер из Москвы — тот самый, который он уже видел в списке контактов. Куратор. Тот, кто теперь будет следить за каждым его шагом, требовать отчётов и «прозрачности». Панфилов на секунду замер, потом вздохнул и принял вызов.

— Панфилов, — коротко бросил он в трубку, не пытаясь скрыть ни усталости, ни нежелания вести этот разговор.

— Старший оперуполномоченный, — голос на том конце был ровным, без эмоций. — В курсе, что дело теперь под контролем центра? Нам нужны ежедневные сводки. И желательно — прогресс.

— Прогресс будет, — спокойно ответил Трофим. — Когда я найду то, что ищу. А не когда напишу отчёт.

На том конце повисла короткая пауза — та самая, когда собеседник пытается понять, шутит ли он или всерьёз бросает вызов системе.

— Мы понимаем вашу специфику, — наконец произнёс куратор, чуть мягче. — Но Москва ждёт результатов. И чем быстрее, тем лучше.

Панфилов прикрыл глаза, словно отгоняя раздражение.

— Я работаю не на скорость, — тихо, но твёрдо сказал он. — Я работаю на точность. Если поторопимся — упустим главное.

Ещё одна пауза.

— Хорошо. Но держите нас в курсе. Каждая деталь важна.

— Каждая, — повторил Панфилов. — Даже самая маленькая.

- Знаешь, в чём прелесть нашей работы? Ты можешь быть абсолютно прав, но если забыл поставить запятую в протоколе — ты уже неправ по всем статьям. Закон любит не справедливость, он любит запятые.

— Это точно – согласился Панфилов. Он отключил звонок, сунул телефон обратно в карман. Теперь он знал: эта шестерёнка — не случайность. Она была ключом. Оставалось только понять, к какой двери.

Трофим застегнул плащ, поднял воротник, чтобы защититься от сырого ветра, и сел в машину, уже мысленно раскладывая следующий шаг: мастерские, часовые ателье, старые заводские цеха — любое место, где могли работать с точной механикой. Где-то там, среди шума станков и запаха металла, пряталась ниточка, которая приведёт его к убийце.

Глава вторая. Нить, стягивающая мёртвых

Утро выдалось резким, колючим — будто город решил встряхнуться после вчерашнего тумана и теперь хлестал прохожих ледяным ветром. Панфилов сидел в тесном кабинете, который ему временно выделили в старом крыле УВД: стол, два стула, шкаф с папками, на стене — выцветшая схема района. На столе — три папки с делами, три фотографии, три судьбы, которые теперь лежали перед ним, как карты в пасьянсе, и он пытался сложить из них хоть какую-то карти-

ну.

Ашот Агарян — бизнесмен, владелец строительной фирмы «Вектор-Строй». Человек шумный, энергичный, любивший говорить, что «в Красногорске надо строить вверх и вширь, иначе город задохнётся». Его нашли в подсобке собственного склада — без следов борьбы, без отпечатков, только тонкая царапина на запястье, будто кто-то удерживал его руку, пока действовал другой.

Сергей Вакулик — главный архитектор города. Тихий, педантичный, почти незаметный в коридорах администрации, но именно он подписывал генпланы, согласовывал этажность, решал, где вырастут новые кварталы, а где останется пустырь. Его убили в кабинете — ровно в тот момент, когда он собирался уйти домой. Окно было приоткрыто, но следов проникновения не нашли.

Казимир Петренко — заместитель мэра, правая рука главы, человек, который знал все городские потоки: бюджеты, тендеры, согласования. Убит в гараже, в шесть утра, когда собирался ехать на совещание. И там, в углу, Панфилов нашёл ту самую шестерёнку — маленькую, изящную, не от автомобильного механизма. Если это дело дойдёт до суда, подумал Трофим, я хочу быть в первом ряду. Просто чтобы увидеть лицо прокурора, когда он будет зачитывать: «Вещественное доказательство № 1 — шестерёнка, склонная к побегу.

Он разложил перед собой распечатки: схемы участков, ко-

пии разрешений, выписки из реестров. Он не верил в совпадения, особенно когда они складывались в такую аккуратную, почти математическую последовательность.

Панфилов потянулся к телефону и набрал номер старого знакомого — Бориса Ильича Бунина, бывшего главного инженера городского стройуправления, который теперь сидел на пенсии, но знал Красногорск лучше любой карты.

— Борис Ильич, здравствуйте, — голос Панфилова звучал спокойно, будто он спрашивал про погоду. — Есть три фамилии: Агарян, Вакулик, Петренко. Что их связывает? Не по дружбе, не по праздникам. По делу. По земле.

На том конце провода повисла пауза — долгая, шуршащая, будто собеседник перебирал в голове старые папки.

— Земля, говоришь… — наконец протянул Борис Ильич. — Ну, если по земле, то у них был один узел. Квартал 17Б. Тот самый, что на стыке старого завода и нового микрорайона. Там хотели строить жилой комплекс, но участок сложный: под ним старые коммуникации, да ещё и пятно застройки упиралось в охранную зону. Агарян рвался туда как на золотую жилу. Вакулик тянул с согласованием — говорил, что проект не вписывается в общий план. А Петренко… он держал вопрос на ручном контроле. Там крутились большие деньги, и не только бюджетные.

Панфилов замер, чувствуя, как внутри щёлкает первый замок.

— А кто ещё был в этом узле? Кто ещё мог решать?

— Да полгорода, — хмыкнул Борис Ильич. — Но, если по-крупному — комитет по градостроительству, управление имущественных отношений. И ещё… был один нюанс. На этом участке раньше стоял старый инструментальный цех — часть бывшего завода. Его снесли, но земля осталась в подвешенном статусе: вроде бы городская, а по бумагам — ещё с хвостами от прежних владельцев. Из-за этого и тянули с оформлением. Да еще, можешь пообщаться с Михайловой Леной. Она работает в администрации. К этому делу была причастна.

— Спасибо, — тихо сказал Панфилов. — Полезная информация.

Он положил трубку и снова посмотрел на папки. Теперь картина начинала проступать, как фотография в проявителе. Бизнесмен хотел строить — ему мешали. Архитектор тормозил согласования. Зам мэра держал контроль над потоками — и стал следующей целью. Всё сводилось к одному участку, к одной точке напряжения, где сталкивались интересы, деньги и власть.

Но была ещё одна деталь — та самая шестерёнка. Она не вписывалась в эту схему. По структуре металл обычный титан, ничего сверхъестественного. Но вот насечка… странная. Очень аккуратная, будто её делали не на заводе, а вручную, под лупой. И узор… ну, как будто кто-то хотел зашифровать в зубцах послание. Если убийца действовал из-за земли, из-за стройки, зачем оставлять такую странную улику?

Это не было похоже на небрежность. Скорее — на знак. Или на предупреждение.

Панфилов достал пакетик с шестерёнкой и поднёс его к свету. Тонкие зубцы, аккуратная насечка, металл, который не выглядел дешёвым. Он вспомнил отцовский ящик с инструментами, запах машинного масла и тихий голос Николая Степановича: «Точность — это уважение к делу. Если деталь не садится идеально — значит, где-то ошибка в расчётах».

Он открыл ноутбук и начал искать мастерские, часовые ателье, мелкие производства, где могли работать с точной механикой. И отдельно — старые цеха, где ещё могли помнить, что было на месте квартала 17Б.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул молодой лейтенант, тот самый, что вчера принёс новость о контроле из Москвы.

— Товарищ старший оперуполномоченный, вас вызывает Садыков. Говорит, срочно.

Панфилов кивнул, собрал бумаги и положил в карман пакетик с уликой.

— Иду, — спокойно ответил он, хотя внутри уже нарастало знакомое чувство — то самое, когда ты стоишь на пороге, за которым начинается настоящая охота.

Садыков встретил его хмурым взглядом и кипой бумаг на столе.

— Москва требует отчёт, — коротко бросил он. — Что у тебя есть?

— Есть связь, — ответил Панфилов, не садясь. — Квартал 17Б. Старый инструментальный цех, сейчас — спорный участок под застройку. Агарян хотел строить, Вакулик тормозил проект, Петренко держал контроль. Все трое стояли на одной линии — и кто-то её перерезал.

Садыков нахмурился, будто пытался удержать в голове слишком много деталей.

— Значит, мотив — земля? Стройка?

— Мотив — контроль над землёй, — поправил Панфилов. — Кто-то хочет, чтобы этот участок достался определённому игроку. Или чтобы вообще никто не строил. Пока не ясно. Но ясно, что убийства — часть плана. Чёткого, продуманного. И есть ещё одна деталь… — он достал пакетик и положил на стол. — Эта шестерёнка не от автомобиля. Она от какого-то точного механизма. Возможно, инструмента. Или устройства. Я проверяю мастерские и старые цеха.

Садыков посмотрел на маленькую деталь, будто она могла заговорить.

— Это улика? Или подсказка?

— Пока и то, и другое, — спокойно ответил Панфилов. — Знаешь, что самое приятное в серийнике? Убийца хотя бы не импровизирует. Никаких сюрпризов. Всё по плану. Прямо как начальник, только без совещаний.

В этот момент в кабинет вошёл ещё один человек — в строгом костюме, с папкой в руках. Незнакомец с холодным взглядом и аккуратной сдержанностью, которая выдавала в

нём московского куратора.

— Старший оперуполномоченный Панфилов? — спросил он, не протягивая руки. — Нам нужно обсудить стратегию. Москва хочет видеть чёткий план действий.

Панфилов чуть склонил голову, но в его взгляде не было ни подобострастия, ни раздражения — только спокойная уверенность человека, который знает, куда идёт.

— План есть, — сказал он. — Сначала — квартал 17Б. Потом — все, кто имел к нему отношение. И отдельно — мастерские, где могли сделать или потерять эту деталь. - он показал пакетик с шестеренкой - Я начну с бывших работников старого цеха. Кто-то помнит, что там было. Кто-то знает, кому это могло быть выгодно.

Куратор кивнул, будто оценивая не слова, а интонацию.

— Хорошо. Держите нас в курсе. Каждая мелочь важна.

- Хотите результат? Тогда дайте мне время. Убийца торопится, потому что ему надо. А я торопиться не могу, потому что, если ошибусь — он уйдёт. И тогда следующая жертва будет на моей совести. Так что пусть лучше я буду медленным, но точным.

Панфилов вышел и УВД. Ветер ударил в лицо, заставляя щуриться, но он почти не замечал его. В голове уже складывался маршрут: сначала — архив бывшего завода, потом — старые мастерские, затем — встреча с теми, кто помнил квартал 17Б ещё до того, как там начали мечтать о новых домах.

Красногорск больше не казался ему просто серым городом. Теперь он был лабиринтом, где каждая улица, каждый двор, каждый заброшенный цех мог хранить ответ. И Панфилов знал: убийца где-то там, за поворотом, следит, ждёт, думает, что он невидим.

Но невидимых не бывает. Бывают только те, кого ещё не заметили. И Трофим собирался заметить. Люди врут не потому, что хотят обмануть. Они врут, чтобы картинка в их голове совпадала с тем, кем они хотят быть. А правда — она всегда чуть-чуть корявая. Её неудобно озвучивать.

Панфилов шёл по промзоне, где когда-то гудел заводской район, а теперь стояли пустые коробки цехов, будто скелеты чего-то большого и важного. Ветер свистел в пустых окнах, швырял под ноги обрывки бумаг, и Трофим почти не замечал этого — он шёл, держа в голове не маршрут, а ту самую тонкую нить, что тянулась от шестерёнки к кварталу 17Б. Самое страшное — не когда человек делает зло. Самое страшное — когда он делает его, потому что „так принято“. И никто даже не задумывается, откуда это „принято“ взялось.

В груди уже шевелилось знакомое, почти забытое чувство — как будто воздух становился гуще, а время чуть замедлялось. То самое ощущение, которое он с детства научился не называть вслух. В отделе, среди прагматиков и скептиков, про такие вещи не говорили. Считали либо мистикой, либо поводом для медкомиссии. А он просто знал: когда мир начинал слишком сильно давить, внутри что-то щёлкало — и

всё становилось яснее.

Он остановился у входа в бывший инструментальный цех — ржавые ворота, заколоченные окна, на стене — облупившаяся табличка с номером корпуса. Здесь когда-то работал его отец. Здесь пахло металлом и терпким машинным маслом, и этот запах до сих пор будил в нём то самое состояние — не транс, не сон, а будто кто-то внутри брал управление на себя и начинал видеть всё сразу: связи, нестыковки, логику там, где её не было видно.

Трофим прикрыл глаза на секунду, вспоминая, как это начиналось.

В школе — обычная задачка по алгебре, которую он никак не мог решить. Сидел, смотрел на цифры, чувствовал, как внутри нарастает раздражение, а потом вдруг — пустота. Не провал, а именно пустота, в которой цифры сами складывались в решение. Он приходил в себя, а на листке уже был аккуратно выведенный ответ. Учительница только вздыхала: «Ну вот, Панфилов, опять как будто не ты решал».

В армии — ночь, лесная засада, чужие силуэты, движение в темноте, и резкий холод по спине, когда понимаешь: сейчас будет бой. И в ту секунду, когда время должно было растянуться в вечность, оно, наоборот, сжалось. Сознание будто выключилось, а когда вернулось — вокруг лежали тела, а он стоял, тяжело дыша, не помня самого момента схватки. Только ощущение, что он двигался быстрее, чем умел, видел дальше, чем мог. Командир тогда посмотрел на него долгим

взглядом и тихо сказал: «Ты либо везучий, либо проклятый. Но полезный».

В институте — курсовые, диплом, экзамены, которые он сдавал, почти не готовясь. Садился за стол, закрывал глаза на минуту, а когда открывал — в голове уже была структура, логика, аргументы. Писал всю ночь, а утром сдавал — и получал «отлично». Преподаватели качали головами: «У тебя либо феноменальная память, либо кто-то пишет за тебя». Он только улыбался и молчал.

А в уголовке это стало его главным секретом. Не тем, о котором кричат, а тем, который работает, когда всё висит на волоске. Когда улик нет, а преступник где-то рядом, и надо сложить из обрывков картину — он позволял этому состоянию прийти. Не звал его, не боролся с ним. Просто не мешал.

Сейчас оно подступало снова — тихо, как тень, как едва заметный сдвиг в восприятии. Мир становился чуть ярче, звуки — чётче, а детали — важнее. Шестерёнка в кармане будто потяжелела, и в голове начала складываться новая мысль: а что, если эта деталь — не просто улика, а часть механизма, который кто-то использовал не только физически, но и символически? Что, если убийца тоже знает цену точности, как знал его отец?

Панфилов толкнул ржавую дверь, и она со скрипом поддалась. Внутри было темно, пыльно, и пахло старой ржавчиной и забытым металлом. Он медленно прошёл по проходу между пустыми станинами, касаясь пальцами холодных ме-

таллических рёбер — будто считывал память этого места.

И вдруг остановился. На полу, в углу, там, где свет из разбитого окна ложился узкой полосой, он заметил что-то знакомое. Маленький деталь, почти такая же, как та шестерёнка, только чуть крупнее. Трофим наклонился, достал пинцет, аккуратно поднял находку и положил в новый пакетик.

В этот момент сознание снова чуть дрогнуло — и он увидел не просто цех, а его прошлое: рабочие в спецовках, гул станков, отца у чертежной доски, который что-то объясняет молодому инженеру. И среди этих образов мелькнуло — клеймо на инструменте, который Николай Степанович доставал из ящика: маленький стилизованный знак, похожий на зубчатое колесо.

Панфилов резко выдохнул, возвращаясь в реальность. Сердце билось ровно, но в голове уже крутилась новая цепочка: клеймо, шестерёнки, точность, старый цех, квартал 17Б. Всё это было связано не только деньгами и землёй, но и чем-то более личным — чем-то, что уходило корнями в прошлое этого завода, в его механизмы, в людей, которые здесь работали.

Он достал блокнот и быстро записал: «Клеймо на инструментах (зубчатое колесо). Проверить старые инвентарные книги цеха. Найти тех, кто работал с точной механикой. Возможно, связь через бывших сотрудников».

Снаружи снова поднялся ветер, и Панфилов почувствовал, как состояние начинает отступать — не резко, а посте-

пенно, как отлив. Он не боялся его ухода. Он знал: оно приходит, когда нужно, и уходит, когда работа сделана. И пусть кто-то называл это демоном, кто-то — ангелом, а он знал простую вещь: это была его способность видеть то, что скрыто. И сейчас она показала ему первую настоящую зацепку.

Он застегнул плащ, спрятал блокнот и вышел из цеха, оглядываясь на ржавые стены. Теперь он знал, куда идти дальше. Архив бывшего завода. Старые инвентарные книги. И люди, которые помнили, как здесь делали вещи, где каждая деталь должна была садиться идеально.

Красногорск всё ещё казался серым и унылым, но теперь в этом сером были оттенки, которые видел только он. И убийца, кем бы он ни был, уже не мог чувствовать себя невидимым. Потому что Трофим Панфилов умел замечать то, что другие старались спрятать.

Глава третья. Тень квартала 17Б

Архив бывшего завода встретил Панфилова запахом старой бумаги и пыли, которая висела в воздухе, будто не решалась осесть даже спустя годы. Странно, что этот склад с макулатурой, остался не тронутым. Может быть по тому, что территория еще охранялась. Полки с папками, ящики с инвентарными книгами, всё здесь было устроено так, чтобы отпугнуть любого, кто не готов потратить часы на поиски одной-единственной строчки. Но Трофим не боялся времени. Он знал: правда прячется не в громких заголовках, а в сухих цифрах и незаметных пометках.

Он методично перебирал папки, выхватывая из них фамилии, даты, номера заказов. Клеймо с зубчатым колесом, которое мелькнуло в его «особым» состоянии, теперь стало ориентиром: он искал любые упоминания инструментов, мастерских, мелких производств, где могли использовать такую маркировку. И постепенно перед ним начала складываться картина — не только техническая, но и человеческая.

Старый цех когда-то славился точностью: здесь делали оснастку и приборы для других цехов, мелкие детали, калибры. И именно здесь, как выяснилось, пересекались интересы тех, кто теперь лежал в моргах: Ашота Агаряна, Сергея Вакулика и Казимира Петренко.

Агарян, владелец «Вектор-Строй», в середине нулевых пытался выкупить остатки оборудования цеха, чтобы открыть на его базе собственное производство — как прикрытие для другой схемы. Вакулик, тогда ещё молодой архитектор, участвовал в согласовании переноса коммуникаций, а Петренко, работавший в имущественном управлении, курировал передачу земли. На бумаге всё выглядело как обычная хозяйственная операция. Потом, после проверки материялов, в инвентарных книгах нашлись странные пометки: несоответствие количества списанного оборудования, расхождения в актах демонтажа, подписи, которые не совпадали с образцами.

Панфилов сделал несколько фотографий страниц, аккуратно записал номера документов и вышел из архива с ощу-

щением, что подобрался к чему-то важному. Теперь нужно было найти тех, кто помнил эти события не по бумагам, а по жизни.

Администрация Красногорска жила своей особой жизнью: коридоры, пропитанные запахом кофе и нервного напряжения, кабинеты, где за закрытыми дверями решались судьбы кварталов и людей. Трофим шёл по длинному коридору, держа в голове список фамилий бывших сотрудников, причастных к оформлению участка 17Б. Но судьба, как это часто бывало в его практике, подбросила ему другую зацепку.

Трофим сразу ее узнал, скорее даже почувствовал. Елена Михайлова стояла в коридоре у окна, поправляя рыжие волосы, которые упрямо выбивались из аккуратного пучка. Стройная, собранная, с внимательными, чуть насторожёнными карими глазами — она будто чувствовала, что этот день будет непростым. Она работала в аппарате главы города, занималась документооборотом по градостроительным проектам и, как оказалось, была одной из немногих, кто до сих пор помнил детали той самой эпопеи с кварталом 17Б.

— Елена Сергеевна? — спокойно произнёс Панфилов, подходя к ней. — Старший оперуполномоченный Панфилов. Можно пару минут?

Она посмотрела на него не с испугом, а с тем особым спо-

койствием, которое бывает у людей, привыкших к проверкам и вопросам.

— Если это по делу Петренко… — она чуть помедлила. — Я отвечу. Но честно: я не хочу, чтобы из-за моих слов у кого-то были проблемы.

Трофим чуть наклонил голову, показывая, что услышал её условие.

— Мне нужна не вина, — сказал он. — Мне нужна правда. Даже если она неудобная. Меня интересует все по кварталу 17Б.

Они прошли в небольшую комнату для совещаний, где пахло старой мебелью. Елена села напротив, сложив руки на столе, и начала говорить — не торопясь, подбирая слова.

— Квартал 17Б — это была бомба замедленного действия, — тихо сказала она. — Формально — спорный участок. Фактически — золотая жила. Агарян хотел строить, но ему мешали не только нормы, а люди. Вакулик тянул с согласованием, потому что видел: проект сырой, а давление сверху — сильное. Петренко держал вопрос на ручном контроле, и все понимали: если он скажет «да», стройка пойдёт, если «нет» — всё встанет.

— А что ещё? — спросил Трофим, не делая записей, но запоминая каждую интонацию. — Что не попало в протоколы?

Елена вздохнула, будто сбрасывая с плеч тяжёлый груз.

— Были деньги, — призналась она. — Не прямые взят-

ки, а… схемы. Подрядные организации, которые выигрывали тендеры, потом передавали часть работ субподрядчикам за процент. Иногда — тем, кто вообще не имел права заниматься стройкой. Вакулик знал об этом, но молчал, потому что ему обещали, что «всё будет по нормам, просто чуть быстрее». Агарян давил на всех, кто мог ускорить процесс. Петренко… он был связующим звеном. Через него шли согласования, через него — и сигналы, когда нужно было притормозить.

— А шантаж? Пропажи? Убийства? —прямо спросил Панфилов.

Елена вздрогнула, будто он ударил по больному.

— Про убийства я ничего не знаю, — твёрдо сказала она. — Но про запугивание — да. Был случай: один из местных жителей, который жил в старом доме на границе участка, отказывался съезжать. Дом мешал стройке. К нему приходили «переговорщики». Он потом написал заявление, но его… потеряли. А через неделю дом сгорел. Официально — проводка. Неофициально — все знали, кто стоял за этим.

— Кто? — тихо спросил Трофим.

— Не называли имён, — покачала головой Елена. — Но все смотрели в одну сторону. В сторону тех, кому эта стройка была жизненно необходима.

Панфилов помолчал, давая ей время собраться с мыслями.

— А компромат? — продолжил он. — Документы, запи-

си, свидетельства?

— Компромата как папки с грифом «секретно» нет, — горько усмехнулась Елена. — Но есть следы. Электронные письма, которые почему-то не попали в делопроизводство. Черновики согласований с правками, где видно, как менялись условия. И ещё… — она понизила голос. — У меня есть копия одной служебной записки. Её не зарегистрировали, но я её сохранила. Там говорится о несоответствии смет и реальных затрат по одному из первых этапов подготовки участка. И фамилия… фамилия человека, который курировал эти вопросы.

Она встала, подошла к шкафу, достала небольшую флешку и положила её перед Трофимом.

— Здесь не всё, — сказала она. — Но, возможно, этого хватит, чтобы понять, кто тянул за ниточки.

Панфилов взял флешку, кивнул — без лишних слов, без обещаний. Он знал цену таким поступкам.

— Спасибо, — просто сказал он. — Это может спасти жизни.

Когда он вышел из здания администрации, небо уже темнело, и город зажигал первые огни, будто пытался разогнать надвигающуюся тьму. В кармане лежала флешка, в голове — новая цепочка фактов. Теперь он видел не просто убийства, а часть большой, грязной схемы, где земля, деньги и власть переплелись в тугой узел.

Но оставалась одна деталь, которая не вписывалась в эту

картину, — та самая шестерёнка с клеймом. Если всё сводилось к деньгам и стройке, зачем оставлять такой странный след? Или убийца хотел, чтобы его нашли? Или, наоборот, хотел указать на что-то, что скрыто глубже, чем просто коррупция?

Трофим достал телефон и набрал номер Бориса Ильича.

— Борис Ильич, — сказал он, когда на том конце ответили. — Помните клеймо на инструментах — зубчатое колесо? Мне нужно знать, кто его ставил. И кто мог сохранить эти инструменты или использовать их символику сейчас.

На том конце провода повисла пауза, а потом тихий, усталый голос:

— Я помню, — медленно произнёс Борис Ильич. — Это клеймо ставил один мастер. Старый, упрямый, он делал оснастку почти вручную. Говорил, что машина не чувствует металл, а он чувствует. Его звали Григорий Семёнович. Он давно ушёл, но… у него был сын. Тоже с руками, тоже с головой. И с обидой на весь этот город.

Панфилов замер, чувствуя, как внутри снова начинает нарастать то самое знакомое напряжение — предвестник его «особого» состояния.

— Где его найти? — спросил он.

— На окраине, в старом гаражном кооперативе, — ответил Борис Ильич. — Он там держит мастерскую. Делает всё: от часов до замков. И… говорят, он не любит, когда трогают прошлое.

Трофим отключил звонок, сунул телефон в карман и пошёл к машине. Ветер снова усилился, швыряя в лицо холодные капли дождя. Но он почти не замечал этого. Теперь у него была не просто версия — у него была цель.

Сын мастера, который знал цену каждой детали, который мог сделать ту самую шестерёнку, который мог помнить обиды прошлого и желать мести. Или справедливости.

Панфилов завёл машину и выехал на тёмные улицы Красногорска. Город больше не казался ему просто местом преступления. Он был сценой, где разыгрывалась старая драма, и убийца был её режиссёром. А Трофим Панфилов собирался выйти на сцену и посмотреть ему прямо в глаза.

Глава четвёртая. Ночь, в которой зажглись все огни

Кухня была тесная и безликая — из разряда тех, где готовят мало, а думают много. Холодильник, гудящий ровно, как метроном. Кружка с остывшим чаем, которую он так и не допил. Пачка печенья, раскрытая неделю назад. И коньяк — армянский, из захудалого магазина на углу, но Трофиму было всё равно. Он не гурман, он пьёт, чтобы немного разжать тиски, в которых держит собственную голову.

Рюмку он влил в себя неторопливо, мелкими глотками, глядя на жёлтый круг света от лампы, падающий на стол. Коньяк тёк по пищеводу мягко, приглушая внутренний голос, но не выключая его. Наоборот — мысли от этого становились яснее, острее, будто алкоголь лишь убирал лишний

шум, оставляя голый сигнал.

Елена Сергеевна Михайлова.

Панфилов прокручивал в голове разговор — не слова, а то, что было вокруг слов. Он всегда так делал: запоминал не текст, а ткань, из которой тот соткан. И ткань эта сейчас казалась ему нечистой.

Она говорила охотно. Слишком охотно. Не так разговаривают люди, которые боятся. Они мнутся, взвешивают каждое слово, смотрят в сторону. Елена же смотрела ему прямо в глаза, но только когда говорила о фактах. А вот когда заходила речь о пропавшем заявлении и сгоревшем доме — её левая рука чуть дрогнула. Она коснулась мочки уха. Жест, который Трофим знал: так делают, когда хотят что-то досказать, но не решаются. Или, когда подменяют правду полуправдой.

И ещё. Когда она произнесла «про убийства я ничего не знаю» — её голос не дрогнул, а вот зрачки чуть сузились. Это не ложь. Но и не вся правда. Она знала о чём-то, что было рядом с убийствами, но не сами убийства. Как человек, который видел тень, но не видел того, кто её отбрасывает.

Флешка. Она положила её на стол с лёгким, почти незаметным жестом — как кладут приманку. Не отдавая, а предлагая. И сразу добавила: «Здесь не всё». Что это — честное предупреждение или тонкая игра? Если она хотела направить его по ложному следу, зачем давать реальные документы? Лжец даёт правду ровно настолько, чтобы ложь прогло-

тили. И ложь эта должна быть не в том, что она сказала, а в том, что она умолчала.

Панфилов налил ещё. Вторая рюмка — последняя, дальше уже не работа, а побег. Он выпил и закрыл глаза.

Сон не шёл. Коньяк приглушил тревогу, но не убрал, а лишь загнал её глубже, туда, где она начала расти и шевелиться, как живое существо. Воздух на кухне стал гуще. Холодильник загудел громче, потом тише, будто тоже прислушивался. Трофим чувствовал, как его собственное дыхание замедляется, как тело наливается тяжестью, а голова, наоборот, становится невесомой.

И тут его накрыло.

Это всегда происходило по одному и тому же сценарию: сначала — пустота. Не темнота, а именно пустота, белая, звенящая, как натянутая струна. Потом — сдвиг. Будто кто-то внутри него открыл дверь, которая всегда была заперта, и в эту дверь хлынул поток, который не шёл ниоткуда и шёл отовсюду одновременно.

Он увидел Елену. Не такой, какой она была за столом в комнате совещаний, а другой — обнажённой, по сути, без социальной оболочки. Она стояла в коридоре администрации, и он видел вокруг неё людей, как нити — тянущиеся от неё к одним, обрубленные от других. Одна нить тянулась к Петренко — толстая, тёмная, не просто служебная. Другая — к Вакулику, тонкая, почти незаметная, но не порванная. Третья — в никуда, обрезанная, как проволока, кончик ко-

торой почернел.

Панфилов понял: Елена была не просто свидетелем. Она была внутри схемы. Не с краю, а в самом узле. Она знала о квартале 17Б больше, чем показала, и не потому, что боялась, а потому, что хотела, чтобы он шёл в определённом направлении. К её версии. К её правде, которая была правдой лишь наполовину.

Видение сдвинулось, и он увидел другой слой. Флешка была вставлена в ноутбук, — не вся информация на ней была подлинной. Часть документов — реальные, служебная записка с правками, сметы с несоответствиями — это правда, и она ведёт к Агаряну, к его схемам с тендерами. Но есть и подложные страницы, вставленные так аккуратно, что неспециалист не отличит. Они направляют внимание к Вакулику — делают его удобной мишенью, convenient scapegoat, как сказал бы его московский куратор. А Петренко в этой конструкции оказывается «жертвой обстоятельств» — человеком, который якобы пытался остановить махинацию, а не возглавлял её.

Образы посыпались дальше. Он увидел Елену в другой комнате, не в администрации, а в квартире — чужой, тёмной, с плотно задёрнутыми шторами. Она говорила с кем-то, кого Трофим не видел, но чувствовал: человек с руками, которые что-то мастерили. Руки, двигавшиеся точно и быстро, будто собиравшие невидимый механизм. И шестерёнка — маленькая, с насечкой — мелькнула в этих руках, как мо-

нета в пальцах фокусника.

Потом — вспышка, и всё исчезло.

Панфилов открыл глаза. На кухне было темно — лампа погасла, но он не помнил, как выключал свет. Коньячная рюмка лежала на боку, пустая. За окном — предрассветная синева, тишина, и где-то далеко — гудок одинокого грузовика на трассе.

Трофим сел за стол, чувствуя знакомую тяжесть в голове, будто прошёл длинный путь за несколько секунд. Руки слегка дрожали. Он налил воды из-под крана, выпил, потом сел и открыл блокнот. Полицейский с идеальным почерком — это легенда. Его никто не видел, но все о нём слышали. Почерк был не легендарный.

Начал писать быстро, пока не забылись детали:

«Елена — не чистый свидетель. Внутри схемы. Нить к Петренко — личная, не служебная. Проверить отношения. Нить к Вакулику — порвана, но недавно. Она знала, что его убьют? Или знала, почему?»

«Флешка — часть правды, часть подделки. Реальные документы указывают на Агаряна и отчасти на Вакулика. Подложные — снимают вину с Петренко. Зачем? Чтобы защитить кого-то, кто стоит за Петренко. Или чтобы направить следствие к удобному виновному.»

«Человек с руками мастера. Видение: Елена и кто-то, кто работает с точной механикой. Тот же, кто сделал шестерёнку? Или тот, кто её оставил?»

«Вывод: Елена ведёт меня по тропе, которая ей выгодна. Не вся тропа — ложь, но направление не то. Нужно идти по её материалам, но сверять каждый шаг. И узнать, с кем она встречалась вне работы. Кому звонила. Кого защищает.»

Он отложил ручку, потёр глаза и посмотрел на часы. Пять утра. Спать уже бессмысленно — тело бодрствовало, а мозг работал на оборотах, которые коньяк не мог ни приглушить, ни разогнать.

Панфилов встал, плеснул водой в лицо и посмотрел в зеркало. Из стекла на него смотрел человек с тёмными кругами под глазами и спокойным, собранным взглядом, который не обманешь ни красивой женщиной, ни аккуратно подделанными документами.

— Она умная, — тихо сказал он своему отражению. — Но не настолько, чтобы знать, с кем играет.

Он надел свежую рубашку, застегнул плащ и вышел в серое предрассветное утро. Первым делом — отнести флешку знакомому эксперту-цифровику, который умел отличать подлинные файлы от мастерски подделанных. Потом — тихо проверить телефонные соединения Елены за последний месяц. И наконец — съездить к гаражному кооперативу на окраине, где держал мастерскую сын старого мастера Григория Семёновича.

Красногорск просыпался, зевая и скрипя. Транспорт ещё не пошёл, уличные фонари мигали, будто подмигивая. Трофим шёл к машине, и в голове у него уже складывался новый

план: не идти за Еленой след в след, а двигаться параллельно — по тем следам, которые она старалась скрыть. Потому что именно там, в тени её полуправды, и прятался ответ.

А ещё он думал о том, кто стоял рядом с ней в той тёмной комнате, кто крутил шестерёнку в своих ловких руках. И почему его «особое состояние» показало ему именно этот образ — не лицо, не имя, а руки. Точные, быстрые, почти нежные в своей уверенности.

Трофим завёл машину и выехал на пустую улицу. Город ещё спал, но убийца — нет. И Панфилов тоже не собирался спать.

Глава пятая. Цена полуправды

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Панфилов остановился на светофоре. Экран высветил номер полковника Садыкова — и в груди у Трофима что-то дёрнулось, как натянутая струна, готовая лопнуть. Он знал этот звонок. Такие не бывают хорошими.

— Панфилов, — коротко бросил он в трубку, уже предчувствуя слова, которые сейчас прозвучат.

— Срочно ко мне, — голос полковника звучал жёстко, без предисловий. — Ещё одно убийство. Михайлова. В собственной квартире. Всё перевернуто. Эксперты на месте. Планерка через двадцать минут.

Связь оборвалась. Ни «держись», ни «сочувствую» — только голая необходимость действовать. Трофим на секунду замер, переваривая услышанное. Елена, с её рыжими во-

лосами, собранным видом и полуправдой, которую она так аккуратно выкладывала на стол вместе с флешкой… теперь она лежала где-то в своей квартире, среди разбросанных вещей, а кто-то методично стирал следы.

Он машинально коснулся кармана, где лежала флешка. Надо передать ее Семёну Войцеховичу, человеку, который видел в цифрах то, что другим недоступно. Семён работал в отделе айтишником, он был из тех, кто не задаёт лишних вопросов, но замечает каждую лишнюю строчку кода, каждый байт, вставленный не туда. Если на флешке была подделка — он найдёт. Если за ней тянулся цифровой след — Семён его прочтёт.

Трофим ехал по улице Маяковского. Рассвет уже не казался предвестником нового дня, а скорее — серым занавесом, скрывающим что-то уродливое. По дороге не включал радио — ему нужно было слышать собственные мысли, даже если они были неприятными.

Елена мертва. И это не случайность. Это предупреждение. Или устранение свидетеля. Или… часть плана, который он пока не видел целиком.

Кабинет полковника напоминал командный пункт во время тревоги: люди в форме, напряжённые лица, папки, раскрытые на столах, схемы на доске, исчерканные стрелками. Полковник стоял у окна, глядя на город, который в утреннем

свете казался ещё более серым и безразличным. Когда Панфилов вошёл, он коротко кивнул, не тратя время на приветствия.

— Докладывай, что успел по Михайловой, — сразу перешёл к делу полковник. — И не тяни.

Трофим не стал рассказывать про коньяк и ночные видения. Он говорил только фактами — сухими, проверенными, без эмоций.

— Она работала в администрации, имела доступ к градостроительной документации. Знала о делах вокруг квартала 17Б. Вчера дала мне флешку с документами — часть из них реальные, часть, возможно, поддельные. Флешка сейчас на экспертизе у специалиста. По её словам, схема строилась вокруг тендеров, откатов, давления на несогласных. Упоминала случай с поджогом дома местного жителя, чьё заявление потом «потерялось».

Полковник нахмурился, но не перебивал.

— Дальше, — коротко бросил он.

— У меня возникли сомнения в её искренности, — продолжил Трофим. — Были невербальные сигналы: микро жесты, уклончивые формулировки. Мне показалось, что она направляла меня по определённому следу — не полностью ложному, но выгодному кому-то. Возможно, пыталась отвести подозрения от реального центра схемы.

— То есть ты считаешь, что её убили, потому что она слишком много знала? Или потому, что пыталась играть на

две стороны? — уточнил полковник.

— И то, и другое, — спокойно ответил Панфилов. — Она знала достаточно, чтобы быть опасной. И пыталась сохранить себе место в игре. Но кто-то решил, что она стала лишней. Убийца ходит по городу, как по шахматной доске. Только вот мы тут не фигуры, мы тут пешки, которые даже не знают, чей ход. Главное — не стать разменной монетой в его дебюте

- В нашем деле главное правило: если всё слишком логично — значит, кто-то врёт. Если всё слишком глупо — значит, это правда- Садыков потеребил седой ус.

В кабинет вошёл следователь Жариков, который выезжал на место преступления.

— Квартира Михайловой, — начал он, листая блокнот. — Вскрыта отмычкой, следов борьбы почти нет. Убийство произошло быстро, профессионально. Орудие — тонкий нож, удар в область сердца. Всё вокруг перевернуто, но это похоже на инсценировку обыска. На самом деле искали что-то конкретное и знали где.

Панфилов чуть прищурился.

— Ну что, Жариков, причина смерти ножевое?

— Да всё как обычно: несовместимость жизни с реальностью.

— А конкретнее?

— Ей очень не понравился убийца с ножом.

— Да, это конкретно, — хмыкнул Панфилов. — А что было нужно убийце? Не документы, не деньги. Что-то маленькое. То, что можно унести в кармане.

— Ты о чём? — спросил полковник.

— О том, что она могла хранить не только цифровые копии, — тихо сказал Трофим. — А что-то физическое. Бумагу. Фото. Ключ. Или… ещё одну флешку. Ту, о которой не сказала.

На секунду в кабинете повисла тишина.

— Продолжай, — велел полковник.

— Я думаю, убийца пришёл не за всем, что у неё было, — сказал Панфилов. — А за чем-то одним. И если он это нашёл — значит, мы потеряли главный козырь. Если нет — значит, эта вещь всё ещё где-то рядом.

Следователь кивнул.

— Мы проверили все, ящики, даже вентиляцию. Ничего похожего на скрытый носитель не нашли. Но… — он сделал паузу, — в спальне, под половицей, был небольшой тайник. Пустой. Кто-то его уже вскрыл до нас.

-Свидетели? - спросил полковник.

-Нет, только кот. В коридоре сидел, такой невозмутимый котяра и смотрел на всех. Будто знает больше всех.

Садыков хмыкнул. - Если заговорит — сразу на допрос.

-Так точно. – Жариков кивнул выпученными глаза, не по-

няв шутки.

Трофим чувствовал, как внутри снова начинает нарастать то самое напряжение — предвестник его «особого» состояния. Но сейчас он не хотел, чтобы оно пришло. Сейчас ему нужна была холодная голова.

— Жаль, не успел с ней поговорить, — тихо произнёс он.

— Версия? — резко спросил полковник.

— Либо кто-то из её окружения, кому она доверяла, — предположил Трофим. — Либо тот, кто следил за ней и знал, где она прячет вещи. Либо… тот, кого она пыталась использовать против других, а он использовал её.

- Кто-то из своих? — Садыков усмехается. - Свои не убивают по схеме. Свои убивают от нервов и сразу жалеют. А это… это стиль. Это человек, который репетировал. И вот это меня пугает больше всего: он готовился.

Полковник подошёл к доске и провёл пальцем по схеме, соединяющей Агаряна, Вакулика и Петренко.

— Квартал 17Б, — произнёс он. — Всё крутится вокруг него. Стройка, земля, деньги. Кто-то хочет, чтобы этот участок достался определённым людям. И убирает всех, кто мешает. Теперь и Михайлову.

— Не просто мешает, — тихо поправил Панфилов. — Кто-то убирает тех, кто знает слишком много о внутренней кухне. Тех, кто может связать факты. Елена была связующим звеном. Она видела, как работают все стороны. И, возможно, пыталась собрать свой собственный компромат — не для

следствия, а для страховки.

— Страховки от кого? — спросил следователь.

— От того, кто сильнее, — ответил Трофим. — От того, кто стоит за всей этой схемой.

Полковник на секунду прикрыл глаза, будто собираясь с мыслями.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Твои версии звучат логично. Но нам нужны доказательства. Что у тебя ещё есть?

— Есть зацепка по старой мастерской, — ответил Панфилов. — Сын мастера Григория Семёновича Сытина. Делал точные механизмы. Возможно, он изготовил те шестерёнки, которые я нашёл. Возможно, знает, кто мог их использовать. И… возможно, связан с Михайловой.

— Почему ты так думаешь? — насторожился полковник.

— Потому что в моём… видении, — Трофим чуть запнулся, подбирая слова, — я видел её с человеком, который что-то мастерил. Руки. Точные движения. И шестерёнка. Это может быть совпадением. Но я не верю в совпадения.

Полковник посмотрел на него долгим взглядом, в котором смешались усталость и уважение.

-Допроси. Хороший свидетель — это тот, кто помнит ровно столько, чтобы хватило на протокол, и не больше. А у нас все либо ничего не помнят, либо пишут мемуары. Ну делай, что должен, — наконец произнёс он. — Но держи меня в курсе. Каждые два часа — отчёт. И не ходи туда один. Возьми с собой группу.

— Группу? — Брови Трофима дернулись вверх. — Но в мастерскую я пойду сам. Там нужны не кулаки, а глаза. И этот убийца, он не гений. Он просто очень терпеливый. А терпеливые хуже всех: они не срываются, не оставляют ошибок. С такими приходится сидеть и ждать, пока они дадут осечку. Ты думаешь, он какой-то особенный? Да он просто человек, который решил, что у него есть право. А у нас есть право его остановить. И знаешь Ильдар, что самое циничное? Мы делаем это не ради справедливости. Мы делаем это, чтобы завтра во дворе снова можно было гулять без оглядки. А вдруг у него какая-то трагедия в прошлом?

Садыков усмехается.

- Трагедия у всех. У кого-то мама рано умерла, у кого-то первую любовь не оценили. Но одни идут к психологу, другие — с ножом по подъездам. Не надо делать из него жертву. Он выбрал быть хищником. А мы будем теми, кто закрывает клетку. Знаешь, что страшнее всего? Не то, что он убивает. А то, что для него это уже стало нормой. Он просыпается, пьёт кофе, идёт убивать — и не чувствует ничего. Вот это и есть настоящий холод. И именно поэтому мы не можем уставать. Потому что если устанем — значит, согласимся, что это нормально.

Панфилов вышел из кабинета, коридор показался ему слишком узким, стены — слишком близкими. Город за ок-

ном уже проснулся, люди спешили по своим делам, не зная, что где-то среди них ходит убийца, который убирает свидетелей так же спокойно, как сметает крошки со стола.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Семёна Войцеховича:

«Трофим, флешка интересная. Есть поддельные файлы — сделаны грамотно, но не идеально. Я нашёл цифровой след: кто-то пытался замаскировать источник. Пока не могу сказать, кто. Но есть зацепка — IP-адрес, который использовался для загрузки подложных документов. Я работаю над этим. Держись. И не доверяй тому, что выглядит слишком чисто».

Панфилов улыбнулся краешком губ. Семён всегда говорил прямо.

Он сел в машину, достал блокнот и записал:

«1. Проверить связь Елены с сыном мастера. Были ли встречи? Переписки?

2. Узнать, кому принадлежал IP, с которого загрузили поддельные файлы.

3. Найти ту самую вещь из тайника. Что там было?

4. Поговорить с теми, кто знал Елену близко — коллеги, друзья, соседи. Кто последний её видел?»

Потом он завёл двигатель и поехал на окраину города, к гаражному кооперативу, где, по словам Бориса Ильича, дер-

жал мастерскую сын старого мастера Сытина. Ветер снова усилился, швыряя в лобовое стекло первые капли дождя. Трофим смотрел на дорогу и думал о том, что Елена, возможно, хотела остаться в игре. Хотела быть нужной. Но в таких играх слишком часто забывают, что пешки в первую очередь становятся мишенями.

И теперь он должен был найти того, кто дёргал за ниточки. Того, кто стоял в тени, пока другие умирали на свету.

Глава шестая. Мастерская в гаражном кооперативе

Дождь к окраине города шёл уже не каплями, а сплошной стеной — будто небо решило смыть с Красногорска всю его старую грязь, но никак не могло дотянуть до самых тёмных углов. Гаражный кооператив «Заря-2» выглядел как город в городе: ряды серых боксов, ржавые ворота, узкие проходы, где едва разъезжались две машины. Трофим шёл по лужам, не замечая, как вода заливается в ботинки. Его мысли крутились вокруг Елены — не вокруг её смерти, а вокруг её роли.

Елена Михайлова. Тёмная лошадка.

По дороге сюда он перебирал в голове всё, что знал о ней. Рыжая, собранная, вежливая до стерильности — идеальная сотрудница администрации. Но в её глазах было что-то, чего не бывает у тех, кто просто перекладывает бумажки. Знание. Не книжное, а практическое — знание, как устроены коридоры власти, кто на кого давит, кто кому должен. И главное — она знала, когда нужно молчать, а когда — говорить ровно столько, чтобы тебя услышали, но не поняли до конца.

«Она не была пешкой, — думал Трофим, сворачивая в узкий проход между боксами. — Она была фигурой, которая умеет притворяться пешкой. И кто-то позволил ей это делать… или заставил».

Бокс № 117 был не таким, как остальные. На воротах — аккуратная табличка: «Мастерская. Посторонним вход воспрещён». И ещё — маленькая деталь, от которой у Трофима внутри что-то щёлкнуло: на металлической пластине, прикрывавшей замочную скважину, было выгравировано клеймо — зубчатое колесо. То самое.

Он постучал — коротко, без церемоний. За дверью послышался шорох, потом тишина. Ещё один стук — и наконец лязг засова. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалось лицо: худое, с резкими скулами, настороженными глазами. Сын Григория Семёновича — Илья. Тот самый мастер, о котором говорил Борис Ильич.

— Чего надо? — голос у Ильи был сухой, без приветствий.

— Старший опер уполномоченный Панфилов. Мне нужна информация, — Трофим махнул перед его носом корочкой. — О шестерёнках. О клейме. И о женщине, которая могла к вам приходить. Елена Михайлова.

Илья чуть прищурился, будто пытался понять, шутка это или угроза.

— Не знаю никакой Елены, — ответил он, уже собираясь закрыть дверь.

И вот тут Панфилов сделал то, чего обычно избегал. Он

не стал давить фактами, не стал угрожать протоколом. Он сыграл плохого полицейского — не по учебнику, а по живому, по тому, что умел лучше всего: видеть, где человек врёт, и бить точно в эту точку. Он пнул ногой дверь. Схватил мастерового за грудки и прижал к стене.

— Слушай, Илья, — голос Трофима стал жёстким, почти грубым. — Я не за тем сюда пришёл, чтобы играть в прятки. У меня на столе четыре трупа, и все они связаны с тобой. Если ты сейчас скажешь «я ничего не знаю», я уйду. Но вернусь уже не один. С обыском. С понятыми. И мы перевернём тут каждый ящик. И найдём. Потому что я знаю: такие вещи, как твои шестерёнки, не появляются из ниоткуда. Кто-то их заказывал. Кто-то платил. Кто-то просил сделать так, чтобы они выглядели как часть механизма и ты сейчас мне все расскажешь.

Илья побледнел. Не от страха — от злости. Он знал, что его поймали на полуправде.

— Да, она приходила, — резко бросил он, распахивая дверь шире. — Но не ко мне. К отцу. Когда он ещё был жив.

Трофим отпустил воротник. Илья поморщившись потер шею.

Мастерская пахла металлом, маслом и старой бумагой. На стенах — чертежи, на столах — детали, тиски, микрометры. В углу — старый верстак, за которым когда-то работал Григорий Семёнович. Илья стоял, сжав кулаки, будто готов был в любую секунду наброситься на незваного гостя.

— Рассказывай, — уже спокойнее, но без мягкости, сказал Панфилов.

— Отец её знал, — выдохнул Илья. — Она приходила к нему года три назад. Просила найти старые инвентарные книги цеха. Те, где стояли клейма на инструментах. Говорила, что это нужно для внутреннего расследования, но… я видел, как она смотрела на эти книги. Не как чиновник. Как человек, который ищет что-то личное.

— Что именно? — Трофим не записывал, но запоминал каждое слово.

— Она искала упоминания о контрактах на демонтаж оборудования. Особенно тех, что касались оснастки. Отец тогда ещё сказал: «Эта девочка знает, где зарыта собака». Он не любил помогать администрации, но ей почему-то помог.

— Почему? — спросил Трофим.

Илья помолчал, будто взвешивая, стоит ли говорить дальше.

— Потому что она рассказала ему правду, — тихо произнёс он. — Не ту, что пишут в отчётах. А настоящую. Про то, как старый цех растаскивали по кускам. Как подписывали акты, где одни станки числились как списанные, а другие — как проданные, хотя на деле их вообще давно не было. И про то, что кто-то из администрации знал об этом и прикрывал схему.

Трофим почувствовал, как внутри снова начинает нарастать то самое напряжение — предвестник его «особого» со-

стояния. Но сейчас он не хотел его. Сейчас ему нужны были факты, а не видения.

— Кто прикрывал? — прямо спросил он.

— Она не назвала имени, — покачал головой Илья. — Только сказала: «Тот, кто сейчас сидит выше всех». Отец тогда хмыкнул и сказал: «Значит, ты идёшь против ветра. И он тебя снесёт».

— А шестерёнки? — продолжил Трофим. — Ты их делал?

Илья кивнул, опустив глаза.

— Делал. Но не для стройки. Для… другого. Она попросила сделать несколько штук — точных, одинаковых. Чтобы они выглядели как деталь механизма, но на самом деле… были меткой.

— Меткой чего?

— Предупреждением, — тихо ответил Илья. — Или вызовом. Она сказала: «Пусть тот, кто всё это начал, увидит, что я помню».

Трофим замер. Всё, что он знал, вдруг начало складываться в новую, неожиданную картину. Елена не была частью схемы. Она была против неё. Но не открыто — слишком опасно. Она собирала доказательства, прятала их. И шестерёнки — это были не улики для следствия. Это был её личный сигнал. Послание тому, кто стоял наверху.

— Ты знаешь, кому она хотела это передать? — спросил Трофим.

Илья снова помолчал, потом подошёл к шкафу, достал

старую тетрадь и открыл её на середине. На странице — список фамилий, напротив одной из них — пометка: «Связь через Р.».

— Вот, — сказал он, показывая на запись. — Она говорила, что есть человек, который всё знает. Тот, кто был в самом начале. Тот, кто подписывал первые акты. И его фамилия начинается на «Р».

Трофим всмотрелся в почерк Григория Семёновича. Фамилия была вымарана, но по стертым буквам угадывалось: «Романов».

Романов. Бывший главный инженер завода. Человек, который ушёл на пенсию пять лет назад, но, по слухам, до сих пор имел влияние. Человек, который мог знать всё о квартале 17Б. И о том, кто на самом деле стоял за всеми этими сделками.

— Спасибо, — тихо сказал Трофим, закрывая тетрадь. — Это многое меняет.

Илья посмотрел на него с усталой горечью.

— Если бы я знал, чем это кончится… — начал он.

— Никто не знал, — оборвал его Панфилов. — Но теперь я знаю. Убийца выбирает не случайно. Он выбирает тех, кто не сможет дать отпор, или тех, кто будет молчать. Это не про силу. Это про трусость, упакованную в „великую идею“. И знаешь, как с такими бороться? Не споря. А просто не давая им пространства. Шаг за шагом, дверь за дверью, пока не упрётся в тупик.

Трофим вышел из мастерской под усилившийся дождь. Вода стекала по лицу, смывая усталость, оставляя только холодную ясность. Елена не вела его по ложному следу. Она пыталась оставить след — для того, кто сможет его прочитать. И он его прочитал.

Теперь ниточка тянулась совсем в другом направлении — не к Агаряну, не к Петренко, а к тому, кто когда-то стоял у истоков всей этой схемы. К человеку, который знал, как правильно подписать бумагу, чтобы потом никто не смог её оспорить. К тому, кто умел прятать концы в воду — и думал, что спрятал их навсегда.

Трофим достал телефон и набрал номер полковника.

— Товарищ полковник, — сказал он, когда на том конце ответили. — У меня новая версия. Михайлова не была в схеме. Она пыталась её разрушить. И у меня есть имя — Романов. Бывший главный инженер завода и возможно, он — тот, кто стоит за всем этим.

На том конце провода повисла пауза.

— Хорошо, — наконец произнёс полковник. — Готовь материалы. И будь осторожен. Если это правда, значит, мы подошли слишком близко к тому, кто не любит, когда трогают его прошлое. Но всего этого мало. Почему так медленно? Панфилов, ты не отдел раскрываемости, ты филиал архива «Как мы ничего не сделали, но очень старались».

Трофим отключил звонок и посмотрел на тёмные ряды гаражей. Дождь стихал, оставляя после себя запах мокрой

земли и металла. Впереди была долгая ночь — и разговор, который мог всё изменить.

Но он был готов. Потому что теперь он знал: Елена не лгала. Она просто не могла сказать всё сразу.

Глава седьмая. «Часовщик»

Кабинет полковника к вечеру стал похож на штаб перед штурмом: на доске — схема квартала 17Б, фотографии жертв, красные нити, соединяющие людей и события. На столе — папки, чашки с остывшим кофе, и посреди всего этого — Панфилов, уставший, мокрый от дождя, но собранный, будто пружина, которую сжали до предела.

Полковник ходил вдоль доски, постукивая карандашом по пальцам — привычка, когда он пытался уложить в голове слишком много противоречивых фактов.

— Значит, шестерёнки — это метки, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Не улика для нас, а послание. Для кого-то конкретного. И делала их мастерская сына старого мастера. А Михайлова… она была не только в схеме, она её раскапывала. И оставляла следы, чтобы кто-то вроде тебя их прочёл.

— Именно так, — спокойно подтвердил Трофим. — Она знала, что открыто не сможет ничего доказать. Поэтому действовала тихо. Через старые документы, через людей, которые помнят, как всё начиналось. И через эти шестерёнки — как знак, что она не забыла.

Полковник остановился, посмотрел на Панфилова долгим

взглядом.

— И ты всё это понял… — он чуть помедлил, подбирая слова, — через свои… видения?

Трофим чуть нахмурился, но не стал отводить глаз.

— Через них, — прямо ответил он. — Да. Я не зову их. Они приходят сами, когда давление слишком сильное. И да, это звучит как мистика. Но факты, которые я вижу в эти моменты, потом подтверждаются. Как с флешкой. Как с клеймом на инструментах. Это не гадание на кофейной гуще. Это… обострённое восприятие. Словно мозг на секунду собирает всё, что я видел и слышал, в одну чёткую картинку.

Полковник хмыкнул, но в его взгляде не было насмешки — скорее усталость и попытка найти равновесие между здравым смыслом и тем, что он не мог объяснить.

— Ладно, — наконец произнёс он, подходя к сейфу и доставая папку с грифом «Для служебного пользования». — Будем считать, что твой внутренний радар работает. И раз уж мы имеем дело с человеком, который оставляет такие… механические метки, делу дадим условное название. Пусть будет «Часовщик».

— «Часовщик»? — переспросил Трофим.

— Да, — полковник криво усмехнулся. — Потому что всё крутится вокруг точности, шестерёнок, механизмов. И потому что кто-то явно любит, когда всё идёт по плану, как часовой механизм. А мы сейчас пытаемся этот механизм разобрать.

Он открыл папку и написал сверху: «Дело „Часовщик“». Потом поднял глаза на Трофима.

— Но запомни, — строго сказал он. — В отчётах никаких «видений». Только факты: показания, данные экспертизы флешки, связь Михайловой с мастерской, факты о Романове. Остальное — для внутреннего пользования. Для меня. Чтобы я понимал, откуда ты берёшь эти неожиданные повороты.

— Понял, — кивнул Панфилов. — Факты — в папку. Интуицию — в карман.

Полковник снова хмыкнул, на этот раз с лёгкой иронией.

— Коп-ведун, — пробормотал он, качая головой. — Вот как тебя в отделе за глаза зовут. И ведь обидно вроде, а… работает. Сколько висяков ты с этим своим чутьём раскрыл? Пять? Шесть? И все такие, где улик — ноль, а мотив — как туман.

Трофим пожал плечами, не пытаясь ни оправдываться, ни гордиться.

— Цель оправдывает средства, — спокойно сказал он. — Если я вижу то, чего не видят другие, и это помогает найти преступника, значит, я делаю свою работу. Неважно, как это называется.

— Ладно, ладно, — махнул рукой полковник, но в его голосе прозвучало уважение. — Не буду тебя учить, как раскрывать преступления. Ты это умеешь. Но и ты меня пойми: мне нужно, чтобы всё это можно было положить на стол про-

курору. Чтобы там были не видения, а протоколы, экспертизы, показания.

— Будет, — пообещал Трофим. — Уже есть. Сема прислал предварительный отчёт: на флешке действительно были поддельные файлы. Их загрузили с IP-адреса, зарегистрированного на фирму-однодневку. Но он нашёл цепочку — кто-то пытался замести следы, но оставил цифровой отпечаток. Семён сейчас копает глубже.

— Хорошо, — снова повторил полковник, уже с заметным облегчением. — Это уже можно использовать.

Он подошёл к доске и взял красный маркер. Написал сверху: «„Часовщик“. Приоритет — Романов». Потом обвёл фамилию в кружок и провёл от неё стрелки к именам Агаряна, Вакулика, Петренко и Михайловой.

— Романов, — произнёс он вслух. — Бывший главный инженер завода Заря. Человек, который знал все схемы, все лазейки, все подписи. Если он стоит за всем этим, то понятно, почему убийства такие чистые. У него связи, ресурсы, и, возможно, люди, которые умеют работать без следов.

— Или он сам когда-то учил этих людей работать, — добавил Трофим. — Те, кто убирает свидетелей, действуют профессионально. Как будто по инструкции. А кто лучше инженера знает, как спрятать концы?

Полковник кивнул, соглашаясь с логикой.

— Твоя задача сейчас, — сказал он, глядя прямо на Трофима, — выйти на Романова. Тихо. Без шума. Узнай, с кем

он общается, какие фирмы до сих пор на него завязаны, какие проекты сейчас в работе. И главное — найди связь между ним и теми, кто мог физически выполнять «работу».

— Я не буду брать с собой группу, — сказал Панфилов. — Первый разговор — один на один. Романов — человек старой закалки. Он не станет говорить при посторонних.

— Договорились, — согласился полковник. — Держи меня в курсе. Каждые два часа — короткий отчёт. И… — он снова помолчал, будто подбирая слова. — Не рискуй зря. Даже с твоим чутьём.

Трофим кивнул, взял папку с материалами по Романову и направился к двери. Уже у порога он остановился и обернулся.

— Спасибо, — просто сказал он. — За то, что не отправили к психиатру.

Полковник усмехнулся, но в этой усмешке не было злобы — только усталое понимание.

— Если бы ты не раскрывал дела, давно бы отправили, — ответил он. — А так… пусть будет «коп-ведун». Главное, чтобы результат был. Кстати, почему у тебя раскрываемость такая высокая?

— Потому что я сначала нахожу виноватого, а потом уже ищу дело. – хмыкнул Трофим.

-Во как. Ну давай ищи экстрасенс, только не перебарщивай. – Садыков попытался скрыть усмешку в седых усах.

Когда Трофим вышел из здания УВД, город уже погрузился в вечернюю темноту. Фонари зажигались один за другим, как маленькие маяки в сером море улиц. Он сел в свой Рено Логан, положил папку на пассажирское сиденье и на секунду закрыл глаза, позволяя себе короткую передышку.

«Часовщик», — мысленно повторил он. Название ему нравилось. Оно отражало суть: кто-то выстраивал эту схему, как сложный механизм, где каждая шестерёнка — человек, каждая деталь — событие, и всё должно было двигаться по строго заданному плану. Но любой механизм можно сломать. Достаточно найти слабое звено. И Трофим знал, что этим звеном может стать Романов.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Семёна:

«Трофим, я нашёл ещё кое-что. Тот IP, с которого грузили поддельные файлы, связан с сервером, который раньше использовался для внутренней сети стройуправления. А курировал эту сеть… угадай кто? Романов. Это пока не доказательство, но очень сильный намёк. Держи ухо востро. И не ходи туда один».

Панфилов улыбнулся краешком губ. Семён всегда был предельно осторожен в формулировках, но когда он говорил «сильный намёк», это значило, что они на верном пути.

Он завёл машину и выехал на тёмные улицы Красногорска. Впереди была встреча, которая могла всё изменить. И он

был готов к ней — с фактами, с интуицией и с пониманием, что иногда, чтобы раскрыть преступление, нужно позволить себе увидеть то, что скрыто от обычных глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.